

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОПОЭТИКА:
ПОЛИЛОГ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ**

**М.Ю. ЛЕРМОНТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА:
НАЦИОНАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ
ПОЭТА**

*Цвик Ирина Осиповна,
доктор педагогики,
старший преподаватель
(Кишинёв, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье освещается проблема диалога культур в творчестве М. Лермонтова. Автор утверждает мысль, что напряжённое общение поэта с европейской культурной традицией обогатило русскую литературу, привнесло в нее новые идеи. Автор статьи доказывает, что гений поэта, вскрывающий исконно русские проблемы, ярко проявился и в умении органически усваивать модели западной культуры, переработать, ассимилировать и преобразовывать их в достояние русской духовности.

Ключевые слова. Лермонтов, межкультурный диалог, лирическая поэзия, национальное своеобразие, общечеловеческие ценности.

**M.YU. LERMONTOV IN SPACE OF INTERCULTURAL
DIALOGUE: NATIONAL AND UNIVERSAL IN THE
POET'S CREATIVITY**

Abstract. The article highlights the problem of the dialogue of cultures in the works of M. Lermontov. The author argues the idea that intense communication of the poet with the European cultural tradition has enriched the Russian literature, has brought new ideas. The author argues that the poet's genius manifested itself, as the ability to organically assimilate the model of Western culture, process, assimilate and transform them to the heritage of Russian spirituality, and to open the native Russian problem.

Key- words. intercultural dialogue, lyric poetry, national identity, human values.

**M. LERMONTOV ÎN SPAȚIUL DIALOGULUI INTERCULTURAL:
NAȚIONAL ȘI UNIVERSAL ÎN CREAȚIA POETULUI**

Adnotare. În articol este reflectată problema dialogului cultural în creația lui M. Lermontov. Autorul susține ideea că comunicarea intensă a

poetului cu tradiția culturală europeană a îmbogățit literatura rusă, aducând idei noi. Autorul articolului demonstrează că geniul poetic s-a manifestat ardent atât în pricepera de a asimila organic modelele culturii apusene, de a le prelucra și a le transforma în patrimoniu al spiritualității rusești, dar și de a pune în evidență probleme originale rusești.

Cuvinte-cheie: dialog intercultural, poezie lirică, particularitate națională, valori general-umane.

Знаменательная дата 200-летия со дня рождения М.Ю.Лермонтова даёт благодатную возможность осмыслить творчество великого национального поэта в контексте русской и мировой литературы, в рамках внутрикультурного и межкультурного диалогов: в контексте национального и всемирного.

Фигура поэта – явление уникальное в русской литературе: то, что он успел сделать, продумать, пережить за неполные 27 лет, хватило бы не на одну и совсем не короткую жизнь. Личность М.Лермонтова вызывает и неутрачиваемые споры: кто он? Гениальный, но «злой мальчик» российской словесности, талантливо повторивший на русском языке наработки европейской художественно-философской мысли? Или он оригинальнейший и самобытный мыслитель, неповторимый русский поэт, воплотивший в своём творчестве национальный дух, раскрывший национальную душу, прозревший национальную судьбу?

С одной стороны, значение поэта для русского мира очень точно охарактеризовал В.В. Розанов в 1898 году, когда писал: *«в созданиях Лермонтова есть какая-то прототипичность: <...> он воссоздавал какие-то вечные типы отношений, универсальные образы; печать случайного и минутного в высшей степени исключена из его поэзии»* [11, 217-231]. С ним согласна и С. Семёнова, подчёркивая, что *«национальная, культурная саморефлексия, достигшая своей вершины в религиозных мыслителях конца XIX-XX веков, увидела в Лермонтове явление свехлитературное, <...> тип поэта-пророка, которому дано предчувствовать, предугадать. Хотя и не высказать в полноте некую великую, единящую и, главное, центрированную на реальность и её преображение Истину, могущую привести к решающему прорыву в движении человечества»* [12, 171].

С другой стороны, нередко встречались и продолжают появляться статьи, в которых исследователи наследия М.Лермонтова, рассматривая его творчество в контексте диалога с западной литературой, культурой и изучая его мировоззрение, говорят о

подражательности, о подверженности «иностранным влияниям», делая намёки, будто бы творческая индивидуальность поэта лишена национальной самобытности, да и Россию он «любил странную любовью».

Эта группа исследователей прошлого и настоящего трудно определяет грань между межкультурностью и заимствованием, воплощением вечного образа и его же национальным укоренением и прочтением. Межкультурный диалог предполагает «общение» культур на уровне конкретного писателя, его *отклик* на художественные концепции, идеи, сюжеты, мотивы, события, характеры. Он заключается в умении **обобщать и синтезировать универсальное и общечеловеческое** в литературах, он реализуется в **привнесении мирового художественно-эстетического опыта в свою культуру**. Он означает, с одной стороны, обогащение своей литературной традиции иным художественно-эстетическим опытом, а с другой – осмысление этого опыта с точки зрения своей национально-культурной и национально-исторической традиции, адаптацию и переплавление его на своей национальной почве. Следуя М.М. Бахтину, *«мы ставим чужой культуре новые вопросы, которые она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. <...> Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого»* [2, 334-335]. Диалог культур – это «*ситуация столкновения принципиально несводимых друг к другу “культур мышления, различных форм разумения”*» [3], для их последующего взаимного обогащения. Совершенно справедливо убеждение Л. Андреева («Роза мира»), что вообще *«изолированных культур не существует, они взаимосвязаны. Оставаясь достоянием своего народа, своего творца, каждая культура, сохраняя своеобразие, влияет на другие культуры. <...> Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь духовно самим»* [1].

Сложная личность поэта оценивалась *по-разному*. Так, В.С. Соловьёв, отдавая должное гению поэта, тем не менее, довольно жёстко отмечал, что *«он не был занят ни мировыми историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своих ближних, а единственно только своею собственной судьбой»* [14, 281] и *«с ранних лет ощутив в себе силу гения, Лермонтов принял её только как право, а не как обязанность, как привилегию, а не как службу. Он думал, что его гениальность уполномочила его требовать от людей и от Бога всего, что ему хочется, не обязывая его относительно их ни к чему»*

[14, 284]. Б.Л. Пастернаку казалось, что М. Лермонтову свойственно стремление *«договариваться до конца»* из-за недоверия к читателю и что *«отчётливость Лермонтова настойчива и высокомерна»* [10, 391]. А вот В.Ф. Ходасевич поспорил бы с обоими: *«Поэзия Лермонтова – поэзия страдающей совести. Его спор с небом – попытка переложить ответственность с себя, соблазненного миром, на Того, кто этот соблазнительный мир создал, кто "изобрел" его мучения»* [15, 200-207].

И в воспоминаниях современников, знавших поэта близко, также нередко являлась фигура богоборца и циника, аморалиста и себялюбца. Толпа, не стараясь понять истоков подчас эпатажного поведения, с лёгкостью была готова к осуждению, не пережив того огромного духовного и личного потрясения, которое переживал М. Лермонтов. Личная драма поэта: ранняя смерть матери и *«Печальная судьба отца и сына // Жить розно и в разлуке умереть»*. М. Лермонтов остро переживал свою физическую некрасивость, и тем глубже была боль, чем яснее понимание того, что могучий дух был заключён в неподобающую оболочку, по которой часто, увы, и ценится, и оценивается в обществе человек. Через много лет другой замечательный русский поэт Н. Гумилёв скажет о подобном переживании: *«Самый первый: некрасив и тонок, // Полюбивший только сумрак роц, // Лист опавший, колдовской ребёнок, // Словом останавливавший дождь»*. А в активе у М. Лермонтова и потрясающая история о фигуре его легендарно-таинственного шотландского предка – знаменитого барда и прорицателя XIII века Фомы Лермонта, прославленного балладой В. Скотта «Певец Фома». И личность, и жизнь, и судьба поэта стали следствием **всех этих сплетений**, и случилось так, что известный и горячо любимый миллионами читателей поэт оказывается одной из самых таинственных и загадочных фигур, как и его далёкий предок.

Мировоззрение поэта также сложно отнести к какой-то одной философской системе, оно носило, скорее всего, синтетический характер. *«Внутренний мир Лермонтова обладает динамикой, и духовная эволюция поэта, краеугольным камнем которой является опытно-мистическое переживание свободы, связана с победой онтологического над опытно-психологическим и утверждением абсолютной ценности веры в божественное первоначало. <...> Одним из ведущих принципов миропонимания Лермонтова является стремление к самопознанию»* [6].

В то же время в мировосприятии, в личности и творчестве М. Лермонтова «различаются без особого усилия две противоположные тенденции. Первая: линия богоборческая, <...> поверхностным наблюдателям кажущаяся видоизменением модного байронизма» [1]. Однако, как отмечает С. Семёнова, у Лермонтова «бунт против Творца» связан с «метафизическим отвержением мира, где царит смерть. <...> Поэт с неистовой мятежной страстью заявлял о правах личности в её споре с Судьбой» [12, 172]. Он «упирался в смерть, как в глубинную первопричину зла в человеческой природе» [12, 179]. В связи с чем Д. Мережковский писал, что «М. Лермонтов первый в русской литературе поднял религиозный вопрос о зле» [см. 9, 397]. Но богоборчество во многом уравновешивалось глубинной искренней верою поэта. «Богоборческая тенденция проявлялась у него не только в слое мистического опыта, <...> но и в слое сугубо интеллектуальном, и в слое повседневных действительных проявлений, в жизни. Так следует понимать многие факты его внешней биографии: его кутежи и бретерство. <...> В интеллектуальном же плане эта бунтарская тенденция приобрела вид холодного и горького скепсиса, вид скорбных, разъедающе-пессимистических раздумий чтеца человеческих душ. <...> Но наряду с этой тенденцией в глубине его стихов, с первых лет и до последних, тихо струится <...> вторая струя: светлая, задушевная, теплая вера» [1]. По убеждению Л. Андреева, вестничество М. Лермонтова заключается в «свидетельствах о даймоне, давно сопутствующем ему». В религиозно-философских воззрениях автора даимон – это спутник Творца, помогающий ему в выполнении возложенной на него миссии.

Поэзия М. Лермонтова действительно формировалась под впечатлением от французской революции и при сильном влиянии романтической художественной системы Европы. Но речь может и должна идти о **плодотворном межкультурном диалоге**. М. Лермонтов впитывал в себя все школы и направления, обогащался их идеями, но оставался всякий раз самим собой, и «с русской душой». Тем более, что у европейского и русского романтизма изначально прослеживаются как общие признаки, так и **чёткие различия**.

Романтизм для Европы был философией свободы, «жизнестроительства», в России же он не исключал старых, корневых основ и обнаруживал мотивы к примирению противоречий, компромиссности. Примером является сосуществование в русском

искусстве классического и романтического типов мышления. Ирония европейского романтизма была более кардинальной, служила средством преодоления страха. В России ирония **не преодолевала** страшное, а, скорее, сосуществовала с ним. Если европейский романтизм строился на соответствии содержания и формы, то русский романтизм нередко ограничивался внутренними импульсами проявлений. **В русском романтизме ярче выражены национальные, фольклорные мотивы.** «У романтиков мир, сам по себе прекрасный, еще украшен, одобрен пороком и безобразием – злом, вводимым в малых дозах, как острая и вредная приправа. По Лермонтову, порочный и страстный, а потому безобразный мир пытается скрыть лицо под личиною красоты. И это ему удается» [15, 200-207]. **Самобытность, национальное своеобразие русского романтизма** обусловлены тем, что, наряду с европейским влиянием, он имел свои корни, **национальные традиции:** особый интерес к внутреннему миру человека, глубокий психологизм, мучительный поиск идеала, противопоставление жажды борьбы, неуспокоенности, стремление к возвышенному среди серой действительности, скуки и однообразия, протест против пошлости, бездуховности. А **двойственность романтического миропонимания созвучна бинарности русского мировоззрения.** Русская душа изначально романтична, для неё характерны чувствительность, мечтательность, противоречивость. Доминирование женского начала над мужским в характере русской культуры выразилось в мягкости, лиричности, камерности русского художественного романтизма.

Существующая обширная литература, посвященная вопросу о связях М. Лермонтова с европейской романтической традицией, особо исследуют влияние Д.Г. Байрона на русского поэта. Дискуссии о влиянии европейской романтической концепции в целом и творчества Байрона, в частности, продолжают, и в прошлом иногда доходили до обвинений в эпигонстве. Сам М. Лермонтов более чем определённо высказался на эту тему: «Нет, я не Байрон, я другой, <...> // Как он, гонимый миром странник, // Но только с русской душой». Таким образом, поэт выделил самое существенное отличие – «с русской душой», т.е., позиционировал себя как совершенно иную по отношению к английскому поэту индивидуальность и творческую личность, ведь душа – стержневое понятие русского ментального мира (национальной концептосферы). Ещё В.Г. Белинский очень точно отметил, что пафос поэзии Байрона *в отрицании*, в то время как

«пафос поэзии М. Лермонтова заключается в вопросах о судьбе и правах человеческой личности».

С одной стороны, В.С. Соловьёв утверждал, что *«Лермонтов <...> не был подражателем Байрона, а его младшим братом, и не из книг, а разве из общего происхождения получил это западное наследие, с которым ему тесно было в безличной русской среде»* [14, 279]. При этом *«байронизм есть противопоставление свободной, гордой личности окованному цепями условностей и посредственности человеческому обществу. <...> Бунт Байрона есть, прежде всего, бунт именно против общества. Образы Люцифера, Каина, Манфреда суть только литературные приёмы, художественные маски. <...> У Лермонтова же – его бунт против общества является не первичным, а производным: этот бунт <...> не уводит поэта ни в добровольное изгнание, ни к очагам освободительных движений. Но зато лермонтовский Демон – не литературный приём, не средство эпатировать аристократию или буржуазию, а попытка художественно выразить некий глубочайший, с незапамятного времени несомый опыт души. В противоположность Байрону, Лермонтов – мистик по существу».* [1].

С другой стороны, как совершенно справедливо, с нашей точки зрения, отмечает в этой связи С.Н. Зотов на примере поэмы «Демон», *«связь поэмы “Демон” с европейской литературной традицией усматривается в разных отношениях, что указывает на родство лермонтовского “Демона” с произведениями романтизма, однако значительно более существенно его отличие от произведений европейских поэтов-романтиков. Большинство исследователей отмечает, что Байрон изображал в своих произведениях лишь одного героя – самого себя. Соответствующим образом осмыслены и представлены Байроном эпохи и сюжеты, в которых действуют его герои. “Демон” представляет собой совершенно иную художественную действительность, только внешними чертами напоминающую условность поэзии романтиков. Оригинальность Лермонтова основывается на интеллектуальном переживании Библии, а не на использовании ее мотивов для воплощения характера другой эпохи. <...> По существу “Демон” – антибайроновская поэма. Байроновский герой утверждает протест, основанный на культе силы, силе отрицания. Тема Байрона – безысходная неудовлетворенность сильной личности в ее стремлении к самоосуществлению (“быть всем”). <...> Тема Лермонтова – пост-байроническая. Испытавший полноту власти демонический герой*

обращен к любви как вершине усилий, способу обращения, т.е. готов совершить обратный путь» [5]. Н.Н. Скатов прямо утверждает, что «страдающий Демон и стал русским словом на фоне итальянских Вельзевулов, английских Люциферов, немецких Мефистофелей. Это было обращение к коренным началам страдальческой русской жизни и предсказало многие основы творчества русских писателей» [13, 8-97].

В.О. Ключевский, подробно анализируя отличие, истоки и сущность **байронической грусти** и разочарования от лермонтовских настроений, кажущихся идентичными, подчёркивал, что «*поэтическая грусть Лермонтова была художественным отголоском практической русско-христианской грусти. <...> Личное чувство поэта само по себе, независимо от его поэтической обработки. <...> Но если оно отвечает настроению народа, то поэзия, согретая этим чувством, становится явлением народной жизни, историческим фактом. Религиозное воспитание нашего народа придало этому настроению особую окраску, вывело его из области чувства и превратило в нравственное правило, в преданность судьбе, т.е. воле Божией. Это – русское настроение, не восточное, не азиатское, а национальное русское» [7, 1-18]. И квинтэссенция, «узловые проблемы лермонтовского творчества – это исторический путь России, идеи индивидуальности религиозного выбора человека и ответственности за него, борьбы добра и зла как основного содержимого исторического процесса» [6].*

Творчество М. Лермонтова – это один из феноменов русской культуры, его можно считать особой вехой в развитии национального художественного сознания. М.Ю. Лермонтов был тончайшим лириком и умел сочетать в своей поэзии интеллектуальное и личностное начала. Лирическая же поэзия, как правило, живёт «жизнью сердца», она тоскует о высшем идеале и мечтает о неповторимом, подлинном и вдохновенном счастье.

Интересную мысль высказывает В.О. Ключевский. Он убеждён, что, «*поэзия Лермонтова подходила к вопросу о личном счастье с обратной стороны, с изнанки, если можно так выразиться: она пыталась указать, в чём не следует искать счастья и как без него обойтись» [7]. Однако, говоря о понимании русским сознанием (особенно религиозным) смысла жизни, проблемы выбора, можно обнаружить, что стремление обойтись без счастья – это именно очень русский путь! Только русский человек может сказать, как Андрей Тарковский, «мы не созданы для счастья, но есть вещи важнее, чем счастье»! А если под ментальностью понимать определённый склад*

ума, подразумевающий совокупность интеллектуальных, идеологических и т.п. особенностей мышления народа, то М. Лермонтова можно считать ярким выразителем русского национального духа, символом мучительных поисков нацией высшего абсолюта и тоски из-за невозможности его обнаружить на земле. *«Условием нравственного бытия в восприятии Лермонтова становится живая историческая память и тоска по идеалу богочеловечества в его жертвенности и уподоблении ангельскому образу»* [6].

Вся поэзия М. Лермонтова глубоко провидческая, проникнутая пророчеством, в том числе грядущих неотвратимых катастроф, и это не литературный образ, как в «Пророке», а вполне чёткие видения: *«Настанет год, России чёрный год, // Когда царей корона упадет; // Забудет чернь к ним прежнюю любовь, // И пища многих будет смерть и кровь...»*. Возможно, это качество поэта, как полагал В.С. Соловьёв, *«от западных его родичей унаследованная черта, – быть может, видоизменённый остаток шотландского двойного зрения – способность переступить в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений»* [14, 281].

Национальная основа, сущность творчества М. Лермонтова связана и с воплотившимися в его произведениях раздумьями об особенностях цивилизационного процесса в России, о роли и месте её культуры, или, говоря словами В.Я. Брюсова *«Мы старый решаем вопрос: // Кто мы в этой старой Европе?»* С точки зрения М. Лермонтова, *«русская культура противостоит великим дряхлым цивилизациям Запада и Востока как культура юная, только вступающая на мировую арену. Здесь ощущается до сих пор еще мало оцененная связь идей Лермонтова с настроениями Грибоедова и его окружения. <...> Русская культура – Север – противостоит и Западу и Востоку, но одновременно тесно с ними связана. С молодостью культурного типа Лермонтов связывает его гибкость, способность к восприятию чужого сознания и пониманию чужих обычаев»* [8, 609-610]. Вспомним «Скифы» А. Блока: *«Мы любим всё – и жар холодных числ, // И дар божественных видений, // Нам внятно всё – и острый галльский смысл, // И сумрачный германский гений...»*. Поэтому совершенно прав Ю.М. Лотман, говоря, что *«Интерес Лермонтова к проблеме типологии культур, выделение "всепонимания" как черты культуры (добавим, русской культуры – И.Ц.), исторически поставленной между Западом и Востоком, включает Лермонтова в*

еще одну историко-литературную перспективу: <...> позволяет прочертить от него линию к Достоевскому и Блоку» [8, 617].

Именно М.Ю. Лермонтов в своём творчестве аккумулировал тот комплекс идей, проблем, концепций, образов и типов, которым потом предстояло развиться в русской литературе. «Лермонтов дал первый толчок тому движению, которое впоследствии благодаря Гоголю, Достоевскому и Толстому сделало русскую литературу литературой исповеди, вознесло на высоту недостижимую, сделало искусством подлинно религиозным». [15, 200-207]. А В.В. Розанов отмечал: «Мы <...> указываем тонкие нити, <...> которые связывают с М. Лермонтовым главных последующих писателей наших. Но если бы кто-нибудь потребовал крупных указаний, мы ответили бы, что характернейшие фигуры, например, Достоевского и Толстого – Раскольников и Свидригайлов в их двойственности и вместе странной “близости”, кн. Андрей Болконский, Анна Каренина – все эти люди богатой рефлексии и сильных страстей все-таки кое-что имеют себе родственного в Печорине ли, в Арбенине, но более всего – лично в самом Лермонтове» [11, 217-231].

Возможно, великая миссия поэта была и в том, чтобы прививать российской словесности европейские философско-эстетические идеи, одевая их в русскую национальную одежду мыслей, переживаний, оценок и рефлексий. Всей своей жизнью и судьбой – и личной (биографической), и творческой, М.Ю. Лермонтов демонстрировал плодотворность межкультурного диалога, утверждая диалектику национального и всечеловеческого в искусстве.

Литература

1. Андреев Д.Л. Роза Мира. Метафилософия истории. М., 1991.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. М., 1998.
4. Боров Ю. Эстетика. Реализм в русской литературе. М., 2002.
5. Зотов С.Н. Художественное пространство – мир М.Ю. Лермонтова. Автореферат доктора филологических наук. Ставрополь, 2001, <http://czotov.ru/content.php?id=85086>
6. Киселёва И.А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. Диссертация доктора филологических наук, Москва, 2011. <http://www.disscat.com/content/tvorchestvo-myu-lermontova-kak-religiozno-filosofskaya-sistema#ixzz37BHzyQUJ>
7. Ключевский В.О. Грусть. http://dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_grust.html, [Электронный ресурс]. Дата обращения: 22 июля 2014

8. Лотман Ю.М. Фаталист и проблема Востока и Запада в Творчестве М.Лермонтова. // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. С.Пб., 2005.

9. Мережковский Д.С. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991.

10. Пастернак Б.Л. Воздушные пути. М., 1982.

11. Розанов В.В. Вечно печальная дуэль.

12. Семёнова С.Г. Вестничество М.Лермонтова. // Метафизика русской литературы. М., 2004.

13. Скатов Н.Н. Всеведение пророка // Филологические науки, 2004, № 6. С. 87-97

14. Соловьев В.С. М.Лермонтов // Литературная критика. М. : «Современник», 1990.

15. Ходасевич В.Ф. Фрагменты о Лермонтове // Знамя, 1989, № 3.

В.Г. РАСПУТИН И М. ЭЛИАДЕ: ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

*Компанеев Валерий Васильевич,
доктор филологических наук, профессор
(Волгоград, Россия)*

Аннотация. В статье анализируется художественная характерология В.Г. Распутина в свете концепции соотношения сакрального и профанного М. Элиаде. Сопоставление основано на феномене традиционализма и проблеме христианских ценностей в современном мире. Ключевым является вопрос о формах религиозного опыта и актуализации устойчивых архетипов.

Ключевые слова: космическое, мирское, сакральное, традиция, религиозность, христианство.

V.G. RASPUTIN AND M. ELIADE: THE PROBLEM OF TRADITIONALISM

Abstract. The article analyzes the artistic characterology of V.G. Rasputin in the light of the concept of the sacred and profane ratio of M. Eliade. The comparison is based on the phenomenon of traditionalism and on the problem of Christian values in the modern world. The key matter is in the forms of religious experience and in realization of sustainable archetypes.

Key words: space, temporality, sacred, tradition, religiosity, Christianity.

Осмысление творчества Валентина Распутина в аспекте сохранения и развития писателем национально-духовной традиции